

УДК 821.161.1

Ян Сумэй

<https://orcid.org/0000-0001-8982-4628>

Н. В. Лукьянчикова

<https://orcid.org/0000-0002-8995-4016>

### Казачья литература как культурный феномен

Для цитирования: Ян Сумэй, Лукьянчикова Н. В. Казачья литература как культурный феномен // Мир русскоговорящих стран. 2020. № 3 (5). С. 122–138. DOI 10.20323/2658-7866-2020-3-5-122-138

В статье авторы предпринимают попытку охарактеризовать специфику и проследить за динамикой литературы, посвященной истории и культуре российского казачества, охарактеризовать этапы развития казачьей литературы как особого культурного феномена. В статье подробно рассматривается, как жизненный уклад, характер социальной организации, быт и культура, нравы и фольклор казаков всегда были специфичными и вызывали тем самым особый интерес ученых, в связи с которым появлялось большое количество научных исследований, посвященных различным аспектам данного феномена. Особое внимание в предложенной работе уделяется региональным особенностям казачьей культуры и многогранным, внутренне богатым образам казаков, созданным русскими писателями (как классиками, так и авторами XX–XXI веков), объясняется, как региональный компонент отражается в казачьем фольклоре и в литературе, анализируются произведения, посвященные казачеству как особому социально-этническому феномену. Казачья литература рассматривается авторами в контексте трех исторических периодов: казачья литература Российской империи (до революции 1917 года), казачья литература, относящаяся к эпохе существования Советского государства (1917–1991), новейшая казачья литература (с 1991 года по настоящее время), при этом отмечается, что каждая эпоха накладывает свой отпечаток на проблематику и систему образов произведений: героизация казаков, выполняющих историческую миссию защиты родной земли и освоения новых пространств, в литературе дореволюционного периода, трагическая концепция казачества в литературе советского времени и изображение процесса возрождения духа казачества в современной литературе.

**Ключевые слова:** казачество, социально-этнический феномен, казачья культура, казачья литература и фольклор, регионалистика, трагические мотивы, концепция личности.

Yang Sumei, N. V. Lukiyanchikova

### Cossack literature as a cultural phenomenon

In the article, the authors attempt to characterize the specifics and follow the dynamics of literature devoted to the history and culture of the Russian Cossacks, to describe the stages of the development of Cossack literature as a special cultural phenomenon. The article considers in detail that the way of life, the nature of social organization, life and culture, the morals and folklore of Cossacks have always been specific and thereby were of special interest of scientists, in connection with which a large number of scientific studies appeared on various aspects of this phenomenon. Special attention in the proposed work is paid to the regional features of Cossack culture and the multifaceted, internally rich images of Cossacks created by Russian writers (both classics and authors of the XX-XXI centuries), the article explains how the regional component is presented in Cossack folklore and literature, analyzes works devoted to Cossacks as a special socio-ethnic phenomenon. Cossack literature is considered by the authors of literature in the context of three historical periods: Cossack literature of the Russian Empire (before the 1917 Revolution), Cossack literature related to the era of the Soviet state (1917–1991), the latest Cossack literature (from 1991 to the present), it is noted that each era imposes its own imprint on the problems and system of images of works: the heroization of the Cossacks, who fulfill the historical mission of protecting their native land and developing new spaces, in the literature of the pre-revolutionary period, the tragic concept of the Cossacks in the literature of the Soviet era and the image of the process of reviving the spirit of the Cossacks in modern literature.

**Key words:** cossacks, socio-ethnic phenomenon, cossack culture, cossack literature and folklore, region studies, tragic motives, concept of personality.

#### 1. Казачество как исторический и литературный феномен

Казачество в истории развития российского государства является, безусловно, уникальным явлением, сыгравшим (начиная с XIV века) весьма серьезную роль в процессе освоения государством новых территорий и защите государственных границ, оказавшим влияние на общественную жизнь России. Нельзя не согласиться с мнением великого русского писателя А. И. Герцена, писавшего, что казачество «отвори-

ло дверь всем нетерпеливым и не любящим покоя, всем искавшим приключений и жаждавшим сильных ощущений, всем, рвавшимся к опасным подвигам. Оно вполне соответствовало тому буйному началу, которое выражается русским словом «удаль» и составляет одну из характерных черт славян. Казак не хотел знать никакого правительства, кроме своего выборного, но родине служил верой и правдой и не жалея лил за нее свою кровь» [Герцен, 1974, с. 415].

Об этимологии слова «казак» исследователи имеют различные мнения (в частности, некоторые современные ученые (см. Е. В. Лаптева, Л. П. Рожкова) соотносят это слово с названием племени касогов, живших на Кавказе в период раннего средневековья; другие (см. А. А. Гордеев) предлагают ряд интересных версий происхождения названия: персы «казаками» называли людей, состоявших на службе, оплачиваемой казной – «по персидски «газа» и отсюда «газак»»; арабы этим словом называли всадника, «сражавшегося за веру и закон пророка»; в монгольском языке «казых» или «казак» – «свободный воин»). Анализируя предложенные объяснения происхождения названия «казак», отмечаем, что множественность предлагаемых вариантов отражает, на наш взгляд, специфические взаимоотношения казачества с государством: стремление к воле, независимости – служба. Так казаки были наиболее известными землепроходцами (Ермак, С. Дежнев, Е. Хабаров и др.), казаки защищали русские земли на границах от вторжений. В то же время с казачеством связаны события наиболее крупных восстаний (под руководством И. Болотникова, С. Разина, К. Булавина, Е. Пугачева), значительна роль казаков (И. Заруцкий) в событиях Смутного времени. С XVIII века казаки все активнее начинают привлекаться на «государеву службу», казачьи войска участвовали в Отечественной

войне 1812 года, в покорении Кавказа и Средней Азии, в русско-турецкой войнах, Первой мировой войне и т. д. Храбрость и вольнолюбие казаков, яркость и самобытность характеров, их специфическая культура делали казака интереснейшим персонажем русской литературы. Так образ казака занимает важное место в творчестве А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого. «Словарь языка Пушкина» свидетельствует, что слово «казак» (козак) встречается в произведениях классика 317 раз. Великий русский писатель Лев Толстой в повести «Казачьи» изображает мир казаков как особое естественное, природное пространство.

Жизненный уклад, характер социальной организации, быт и культура, нравы и фольклор казаков всегда были специфичными и вызвали тем самым особый интерес, в связи с которым казачество как феномен интересовало исследователей издавна (начиная с Н. М. Карамзина). О росте интереса к казачеству, актуализации казачьей проблематики в последнее десятилетие свидетельствует появление целого ряда научных исследований, посвященных различным аспектам данного феномена. Так, в работах А. В. Сопова и А. Ш. Бузарова рассматривается роль казачества в общероссийских культурно-этнических процессах. Казаки характеризуются исследователями, прежде всего, как первопроходцы, первооткрыватели земель, покорители тер-

риторий, которые «играли роль «форпоста», неся пограничную службу, обороняя и сохраняя целостность России как государства, территории и цивилизации» [Сопов, 2011]. В статьях Е.В. Лаптевой, Л. П. Рожковой рассматриваются «исторические стадии формирования казачества как особой этнической общности, на основе исторических источников приводятся сведения об укладе жизни казаков, формах воинской обязанности, особенностях организации быта и службы» [Лаптева, 2012]. Авторы рассматривают казачество как сложное, «многокомпозиционное явление». Историки указывают на определенную разницу между казаками, обусловленную их географическим положением на территории страны (Донское казачество, Кубанское, Терское, Уральское, Сибирское и другие). Исследователь истории казачества И. Ю. Ерохин анализирует различные подходы, мнения и оценки на предмет установления этничности казачьих сообществ [Ерохин, 2016].

Литература, посвященная казачеству как особому социально-этническому феномену, складывалась на протяжении ряда эпох и являлась важной частью русской литературы.

## 2. Специфика казачьей литературы

Анализ казачьего фольклора и литературы, посвященной казачеству, свидетельствует о том, что при

всей неоднородности казачества, обусловленной в том числе географическим положением конкретного казачьего войска, выделяется ряд общих характеристик: закреплённость во всех произведениях казачьего фольклора и литературы воинской службы как доминанты человеческого существования, приоритет героических, патриотических норм и ценностей.

Вместе с тем региональный компонент seriously отражается в казачьем фольклоре и в литературе (как говорит китайская пословица: «Разные края – разные люди»). Исследователи (А. А. Гордеев и др.) неоднократно упоминали о региональных отличиях между образом жизни и мировосприятием, манерой одеваться и внешним обликом, устройством дома и оружием запорожских и донских казаков, терских и сибирских и других. Безусловно, данные отличия не могли не оказать влияния на культурно-литературное бытие казачества конкретного региона.

Казачий фольклор достаточно разнообразен в жанровом отношении. Исследователи казачьего фольклора (В. А. Бахвалова, Я. А. Пономарев и др.) выделяют и характеризуют такие, например, жанры фольклора как казачья песня, былина, баллада, сказка, легенда, обрядовый фольклор и т. д. Разнообразна в жанровом отношении и литература, посвященная казачеству (романы, повести, рассказы, очерки, драмы, лирические стихо-

творения). Образ казака, представленный в литературе и в фольклоре многопланов и противоречив. Казак может быть представлен в произведении и как герой, и как разбойник. В фольклорных произведениях казак обычно изображен в своей героической ипостаси, в казачьих песнях, думах, былинах воспевались подвиги в борьбе с турками и татарами, изображались тяготы турецкого плена, стремление к освобождению из неволи, верность и готовность к самопожертвованию. Среди таких произведений могут быть упомянуты народная дума «Маруся Богуславка» [Маруся Богуславка...] или «Песня про Байду» [Песня про Байду...]. Дума «Маруся Богуславка» – произведение о верности родной земле, о том, какими важными на чужбине, в неволе становятся для казаков понятия «земля христианская», «божий мир», «солнце праведное». Спасение Марусей «бедных невольников», пленных казаков, «своих» представлено в думе как высокий нравственный подвиг. В «Песне про Байду», как и в «Марусе Богуславке», отражены не только воспоминания о противостоянии казаков туркам, но и казачьи представления о героизме, патриотизме, этическом идеале. Мужественный Байда в народном восприятии рисуется как образ истинного казака, предпочитающего смерть предательству.

В конце XVIII – начале XIX веков к теме казачества начинают активно обращаться многие русские

писатели. История, культура, нравы, образы казаков интересовали Н.В. Гоголя, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова и многих других. Казак стал героем множества поэм, рассказов, повестей, романов, лирических произведений, в которых он выступал в различных ипостасях (часто как рыцарь, герой, защитник, боец, порой как изменник и предатель, разбойник, бандит). Личный опыт писателя обусловил интерес к разнообразным региональным казачьим группам (запорожским казакам, донским, яицким, кавказским и т. д.). Запорожцы, например, ярко выведены в произведениях Н. В. Гоголя («Ночь перед Рождеством» и другие). Уникальный образ запорожского казачества представлен в повести «Тарас Бульба», где Н. В. Гоголь показывает «козаков» – удивительных противоречивых людей, прекрасных и страшных одновременно, мощных, чувствующих «упоение в бою» и готовых на самопожертвование во имя веры и принципов товарищества, жестоких и способных на проявление сильных чувств. Современные исследователи творчества Н. В. Гоголя находят в повести «Тарас Бульба» соединение фольклорной и евангельской образности, трансформацию архетипических мотивов. Например, В. Д. Денисов в своих работах, отмечая, что Н. В. Гоголь «понимал путь Козачества как часть русской и мировой истории», полагает, что «становление Козачества как воинства православного» напоминает писателю

«морские завоевательные походы викингов (в Западной Европе их называли норманнами, на Руси – варягами) против христианских государств Северной Европы, и военные экспедиции древнерусских князей варяжского происхождения к христианскому Царьграду. Это подтверждено звучащими в повести (особенно в ее 2-й ред.) мотивами «бешеного веселья» в бою, посмертной славы, воздаяния в горнем мире – несомненно, близкими к языческим представлениям о войне и Валгалле у древних германцев» [Денисов, 2017].

Запорожские казаки становятся героями произведений таких поэтов, как И. П. Котляревский (в поэме-бурлеске «Энеида» Эней и троянцы изображены как кошевой атаман и запорожские казаки) и Т. Г. Шевченко («Ще як були ми козаками...») («В те дни, когда мы были казаками...») и другие стихотворения).

Донское казачество неоднократно становилось предметом творческого интереса А. С. Пушкина. В таких произведениях, как «Казак» («Раз, полунощной порою...»), «Песни о Стеньке Разине», «Делибаш», «Был и я среди донцов...», казак изображен свободным, «лихим», «удалым» («наездник лихой», «молодец удалой», «удалая башка»), человеком, постоянно находящимся на границе жизни и смерти. В крупных произведениях А. С. Пушкина также неоднократно представлены образы казаков («Борис Годунов», «История Пугачева»

(«История Пугачевского бунта»), «Капитанская дочка»). Предводитель народного восстания – донской казак Емельян Пугачев – является одним из наиболее ярких образов в творчестве А. С. Пушкина. Не являясь личностью высокой, идеальной, нравственно безупречной (как было принято изображать предводителя восстания в романтической традиции), Пугачев – человек, способный на жестокость и милосердие, умеющий повести за собой, проникательный, разбирающийся в людях, смелый, живой, лукавый. В поэме «Полтава» А. С. Пушкин также показывает казака – украинского гетмана Мазепу, который изображен не просто вероломным злодеем и предателем, но и живым человеком с настоящими, реальными страстями и желаниями.

Кавказское казачество (терское, кубанское) вызывало весьма серьезный интерес у русских писателей, особенно во время войн на Кавказе. В частности, в творчестве М. Ю. Лермонтова ярко представлена кавказская казачья тема. В знаменитой «Казачьей колыбельной песне» мать, укачивая младенца, предвидит его дальнейшую судьбу – храброго казака, похожего на отца: «Богатырь ты будешь с виду / И казак душой...» [Лермонтов, 1989, с. 47]. В глубоко лиричном тексте, обращенном к младенцу, поэтом выведен образ человека не только мужественного («Смело вденешь ногу в стремя / И возь-

мешь ружье...»), готового защищать Родину, но и верующего («Ты его [образок], моляся богу, / Ставь перед собой...»), любящего, чувствующего («...готовясь в бой опасный, / Помни мать свою...»). О казаках М. Ю. Лермонтов неоднократно упоминает в романе «Герой нашего времени», поэме «Черкесы», стихотворении «Валерик» и многих других произведениях. Кроме того, М. Ю. Лермонтов изображал казаков не только в литературных текстах, необходимо упомянуть, например, о его знаменитом рисунке «Конный казак, берущий препятствие».

Ярко и образно кавказское казачество изображено в повести Л. Н. Толстого «Казачьи». Толстой достаточно долго шел к созданию этого произведения, замысел которого неоднократно трансформировался и образы казаков усложнялись и изменялись. В повести, изображая удивительный мир казачества, сочетающий в себе постоянную готовность к войне и стремление к мирной жизни, показав несколько поколений казаков (старых и молодых), Л. Н. Толстой совершенно отказался от романтических штампов, представлявших казаков либо «героями», либо «злодеями».

Жизнь донского казачества стала главным предметом изображения классика советской литературы М. А. Шолохова. Трагедию Дона в период войн и революций показывает писатель в великом романе-эпосе «Тихий Дон», становлению

новой жизни на Дону посвящена «Поднятая целина».

В конце XX века интерес общества к истории и культуре казачества заметно возрос. Быт, нравы казаков, региональные отличия в некоторых культурных проявлениях вновь оказались в центре внимания писателей. Так кубанскому казачеству посвятил свою книгу «Где спит казацкая слава» критик, публицист, прозаик П. И. Ткаченко [Ткаченко, 1995]. Помимо рассказов о казачьей жизни, очерков о казачьей культуре и ее возрождении, в книгу П. И. Ткаченко вошли этнографические материалы – описание свадебного и святочного обрядов.

В историческом романе В. А. Сергеева «Унтово войско», посвященном событиям на Дальнем Востоке в середине XIX века, изображено Забайкальское казачье войско, осваивающее новые земли, защищающее их от нападений [Сергеев, 1976].

Обзор русской литературы разных эпох, посвященной казачеству, позволяет сделать вывод о том, что писатели в образах казаков не только изображают общие для казачества черты (удаль, вольнолюбие), но и отмечают региональные особенности.

### 3. Историческая интерпретация казачьей литературы

Возникнув на окраинах Руси, обретя постепенно четкую структуру и в процессе многовековой эволюции превратившись в значитель-

ную общественную силу, казачество как социально-культурный феномен стало предметом изображения художественной литературы. Мы полагаем, что для более точного и верного понимания произведений о казачестве необходимо учитывать исторический аспект, анализировать и интерпретировать художественные тексты с учетом эпохи.

Считаем, что казачью литературу можно рассматривать в контексте трех исторических периодов: казачья литература Российской империи (до революции 1917 года), казачья литература, относящаяся к эпохе существования Советского государства (1917–1991), новейшая казачья литература (с 1991 года по настоящее время). Каждая эпоха накладывает свой отпечаток на проблематику и систему образов произведений. Так казачья литература дореволюционного периода преимущественно изображала казака героем, выполняющим историческую миссию защиты родной земли и освоения новых пространств, в литературе советского времени казак показан трагической личностью, а в современной литературе писатели представляют процесс возрождения духа казачества.

### **3.1. Исторический героизм казачьей литературы до 1922 года**

В настоящей статье мы отмечаем, что образы казаков появляются в русской литературе и фольклоре довольно часто, героические поступки казаков, стоявших

на страже родных рубежей и христианской веры привлекают авторов и читателей. Особое внимание образам казаков уделяется в произведениях конца XVIII – XIX веков, казачество изображается как русскими, так и зарубежными писателями-романтиками.

Считаем необходимым особо остановиться на формировании образа казака в произведениях А. Г. Евстафьева. Судьба самого Алексея Григорьевича Евстафьева (1783–1857), по происхождению донского казака – священника, дипломата, русского консула в Америке, публициста, писателя, музыканта – вполне достойна стать материалом для романа. Исследование этой интереснейшей судьбы уже начато современными учеными (см., например, работы Е. Л. Рябовой и Л. О. Терновой). Живя в Америке и выступая против нападков на воюющую с Наполеоном Россию, А. Г. Евстафьев печатает ряд произведений «о свободолюбии русских, Петре I, руководителях народного ополчения Кузьме Минине и Дмитрии Пожарском, героизме народа в Отечественной войне 1812 года» [Рябова, 2015]. В «Бостонской газете» была опубликована статья А. Г. Евстафьева «Американская свобода защищалась донскими казаками», посвященная мужеству и силе духа донского казачества. Казаки становились героями не только публицистики А. Г. Евстафьева, но и его драматических произведений, среди которых необходимо назвать

историческую драму «Мазепа – гетман Украины» и драму «Казачи на пути в Париж» (оба произведения с успехом шли на сцене американских театров, формируя интерес к России, ее истории).

Гетман Мазепа – один из чрезвычайно востребованных персонажей русской и зарубежной романтической литературы. Среди десятков произведений зарубежных писателей XIX века, героем которых стал мятежный запорожский гетман, наиболее известными являются поэма Дж. Байрона «Мазепа», «Мазепа» французского романтика В. Гюго, «Мазепа» польского романтика Ю. Словацкого. Одним из центральных героев Мазепа становится в поэме величайшего русского поэта А. С. Пушкина «Полтава». Кроме того, в русской литературе художественную реализацию образа казачьего гетмана Мазепы мы находим в целом ряде произведений, пользовавшихся в свое время популярностью читателей. Среди них поэма поэта-декабриста К. Ф. Рылеева «Войнаровский», историческая повесть Е. П. Аладьина «Кочубей», роман Ф. В. Булгарина «Мазепа». Во всех произведениях образ запорожского гетмана представлен по-разному, писатели находят в Мазепе черты, зачастую соответствующие их собственному видению эпохи и исторического персонажа. А. С. Пушкин в предисловии к первому изданию «Полтавы» поясняет, что «Мазепа есть одно из самых замечательнейших лиц

той эпохи» и говорит о намерении «объяснить настоящий характер мятежного гетмана, не искажая своевольно исторического лица» [Пушкин, 1949, с. 335]. В предисловии к «Полтаве» А. С. Пушкин, характеризуя намерения своих современников в интерпретации ими образа Мазепы, утверждает, что К. Ф. Рылеев в «Войнаровском» увидел в Мазепе не гетмана-предателя, а «героя свободы, нового Богдана Хмельницкого»; Е. П. Аладьин напротив, с точки зрения А. С. Пушкина, «изобразил Мазепу старым трусом, бледнеющим пред вооруженной женщиною, изобретающим утонченные ужасы, годные во французской мелодраме» [Пушкин, 1949, с. 339]. Фаддей Булгарин (являвшийся не только издателем реакционной «Северной пчелы», но и известнейшим в свое время автором авантурных и «исторических» романов) так сформулировал свое видение образа Мазепы: «Мазепа был один из умнейших и ученейших вельмож своего века, и, чтобы быть великим мужем, ему недоставало только – добродетели! Без нее не сделали его счастливым ум, ученость, почести, богатство и власть» [Булгарин, 1990, с. 369]. Личность запорожского гетмана вызывает значительный интерес и у наших современников, но сегодня она становится предметом изучения исследователей – филологов и историков (в связи со сказанным необходимо упомянуть о статье В. А. Кошелева «Четыре

«Мазепы» пушкинской эпохи» [Кошелев, 2016]).

Одним из известных русских писателей XIX века, в чьем творчестве отразился серьезный интерес к жизни казачества, был В. И. Даль. Характерно, что своим литературным псевдонимом доктор, ученый-этнограф, лингвист Владимир Иванович Даль выбрал оним, связанный с казачеством, – Казак Луганский. Глубокие знания о казаках, их истории, нравах, культуре, быте В. И. Даль получил за время своей восьмилетней службы в Оренбургском крае (1833–1841), куда был приглашен военным губернатором В. А. Перовским на службу в качестве чиновника особых поручений. В 1833 году, когда А. С. Пушкин собирал материалы о пугачевском восстании, именно В. И. Даль возил его в казачью станицу Берды. За годы службы В. И. Далю пришлось заниматься многими аспектами жизни уральских казаков, что, безусловно, нашло отражение и в творчестве писателя. В очерке «Уральский казак» В. И. Даль особое внимание уделяет изображению казака Маркиана Проклятова. Автор подробно описывает внешность казака, его одежду, оружие, останавливается на том, какими были юные годы этого человека, как он ведет себя в тяжелых условиях похода и в мирной жизни, упоминает о его семье. Не обходит вниманием В. И. Даль и особенности казачьего говора («Казак говорит резко, бойко, отрывисто» [Даль, 1983]). Изоб-

ражения гибели Маркиана в бою во время войны В.И. Даль сознательно не дает в тексте очерка, обходясь упоминанием, что «выбыло из полка, однако же, человек полтора года». Тем острее видится трагедия жены погибшего казака, ждущей возвращения мужа из похода, нетерпеливо спрашивающей у его сослуживцев: «Проклятов, родные мои, где Маркиан?» [Даль, 1983].

Выше мы упоминали об особом интересе к феномену казачества величайших русских писателей XIX века – А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого. Выполненный обзор произведений классиков, посвященных казакам, и рассмотренных в статье произведений А. Г. Евстафьева, К. Ф. Рыльева, Т. Г. Шевченко, Ф.В. Булгарина, Е. П. Аладьева, В. И. Даля позволяет сделать вывод о двух тенденциях изображения казачества как историко-культурного феномена и казака как литературного персонажа, наметившихся в XVIII – XIX веках. С одной стороны, наблюдается явный интерес писателей к изображению казака – романтической, героической, мятежной, свободолюбивой, необыкновенной личности. Такой казак может быть как настоящим героем (Остап Бульба), так и романтическим злодеем (Мазепа). В поиске такого героя писатели обращаются к историческим событиям, к прошлому России (эпоха Смуты, Петровская эпоха, бунты и восстания под предводительством казачьих атаманов и т. д.). С подоб-

ным изображением казачества мы встречаемся в поэме А. С. Пушкина «Полтава», повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба», в «Войнаровском» К. Ф. Рыльева, драме А. Г. Евстафьева «Мазепа – гетман Украины» и некоторых других. Наряду с изображением романтического казака в русской литературе XIX века формируется тенденция изображения казачества, сознательно лишённого романтического флера, подчеркнуто земного, бытового, естественно-го. В произведениях В. И. Даля, повести Л. Н. Толстого «Казачьи» мы наблюдаем обращение именно к такому способу изображения. Необходимо отметить, что и в «Капитанской дочке» А. С. Пушкина Пугачев и его сподвижники-казаки также лишены черт романтических персонажей. При этом лишённая романтического ореола жизнь казачества представлена глубоко, ярко, красочно, разносторонне, образ казака не утратил своей мощи и внутренней силы.

### **3.2. Трагические мотивы казачьей литературы во времена СССР**

Начало XX века – трагические страницы в истории страны и в истории казачества. Первая мировая война, революции 1917 года, гражданская война, вынужденная эмиграция значительной части казаков, репрессии против многих казаков, оставшихся на родине – с этих событий начинается трагедия казачества в XX веке. Впоследствии стра-

ну (и казачество, в частности) ждут коллективизация, раскулачивание и расказачивание, высылка из родных станиц и хуторов, попытка устранить само понятие «казачество» из жизни народа. Трагические судьбы казаков становятся предметом интереса некоторых русских писателей.

Безусловно, речь должна идти, прежде всего, об осмыслении пути казачества М. А. Шолоховым. С цикла «Донские рассказы», посвящённого изображению казачества в годы гражданской войны, начинается известность будущего классика советской литературы. Героями «Донских рассказов» стали дети, молодые люди, старики, на глазах которых происходит слом всего, на чем традиционно держалось донское казачество. Смерть, голод, сиротство, утрата близких – те испытания, которые приходится переживать героям-казакам в годы гражданской войны. Художественное исследование переустройства мира, изменения характера отношений в семье, в казачьей общине, формирования нового отношения к важнейшим для казачества понятиям воинской службы, труда на земле, ценности человеческой жизни будет продолжено М. А. Шолоховым в романе-эпосе «Тихий Дон». На многочисленных примерах казачьих судеб (молодых и старых, зажиточных и бедных), представителей семейных гнезд Мелеховых, Коршуновых, Кошевых, Астаховых и множества других персонажей, проведя их через испытания Пер-

вой мировой войны, Февральской и Октябрьской революций, гражданской войны, М. А. Шолохов показывает внутренние противоречия в казачьей среде, особенно обострившиеся во время трагических разломов в судьбе России, особенно в судьбе донского казачества.

Кроме Михаила Александровича Шолохова о казачестве в 1930-е годы писал один из ярких поэтов того периода Павел Васильев (1910–1936). Поэма «Песня о гибели казачьего войска» создавалась с 1928 по 1932 годы, в 1933 году была написана поэма «Соляной бунт». В «Песне о гибели казачьего войска» Васильев изображает трагедию гражданской войны, задавая вопрос: «... по чьей вине / Полстраны в пожарах, в дыму, в огне?» [Васильев, 2019]. В поэме «Соляной бунт» в первой части изображена мирная жизнь казаков (свадьба, сговор, обычаи), а во второй части поэт показывает «сражение», смерть, казнь. Жестокость и мученичество, свадьба и смерть, духовное преображение казака Гриши Босого, защитившего девушку-киргизку, ярко изображены Павлом Васильевым в «Соляном бунте».

Роман Ивана Петровича Шухова «Горькая линия» (1931–1954), посвященный жизни казачьей крепости в Яицкой степи в годы Первой мировой войны, сложным отношениям казаков и киргизов-кочевников, роман-эпопея Василия Ивановича Балябина «Забайкаль-

цы», изображающий жизнь и нравы забайкальского казачества, события, происходящие в Забайкалье с 1908 по 1919 годы (включая события Первой мировой войны, революции и гражданской войны), непростую судьбу молодого казака Егора Ушакова и его любимой Насти, роман Василия Власовича Дюбина «Забуранный край» о жизни донского казачества в годы Первой мировой войны и гражданской войны продолжают традицию, начатую М. А. Шолоховым. В перечисленных произведениях авторы показывают трагедию казачества, трагедию разрушения привычного быта, традиций, духовных скреп. Мировоззренческая концепция М. А. Шолохова, явленная писателем в «Донских рассказах», «Тихом Доне», «Поднятой целине», отношение к глубинным противоречиям эпохи, вписанность судьбы казачества в судьбу всей России, особенно заметная в катастрофические периоды русской истории отразились и в таких романах, как «Ермак» А. С. Иванова, «Молоко волчицы» А. Т. Губина, «Кочубей» А. А. Первенцева.

Казачья литература советского периода посвящена не только изображению трагедии казачества, нарушению гармонии в казачьей жизни, разрушению семейных, родственных, дружеских и многих других связей, но и показу стойкости казачьего характера, глубины его внутреннего мира.

### 3.3. Дух времени в казачьей литературе после распада СССР

В конце XX века казачья литература вступает в новый период своего развития. Начиная со второй половины 1980-х годов можно говорить не только об увеличении общего количества произведений, посвященных феномену казачества и казацкого характера, но и о возрождении особого казачьего патриотизма, специфической казачьей культуры. Этот процесс был особенно заметен в регионах традиционного проживания казаков. Писатели во многом подготовили общественное сознание, пробудили общественный интерес к возрождению казачьей культуры. Вновь начали появляться казачьи творческие коллективы, издаваться казачьи газеты и журналы (например, всероссийский журнал «Кзаки»), публиковаться книги. В 2012 году в Союзе писателей России была создана казачья секция, проведен первый открытый литературный конкурс «О казаках замолвим слово».

Известно, что в эпоху, связанную с переменами, в обществе возрастает интерес к истории, к прошлому, к национальным истокам и национальным героям, к ключевым событиям. Подобная тенденция наблюдается и в казачьей литературе в период серьезных социальных и мировоззренческих изменений, связанных с разрушением СССР. Казачья литература в это время активно ищет яркого героя, являющегося олицетворением стойкости,

доблести. Таким героем становится, например, Алена Арзамасская, носительница характерных черт казачьей ментальности, доблести, мятежности. Образ Алены, сподвижницы Степана Разина, становится предметом изображения в таких произведениях, как романы «За волю!» К. Г. Абрамова, «Алена Арзамасская» В. Ф. Карпенко. Отметим, что интерес к образу Алены Арзамасской сформировался в литературе достаточно давно (можно вспомнить, например, «Песню про Алену-старицу» (1938) Д. Б. Кедрина).

Славные образы казаков воспеты в стихах таких поэтов, как Борис Куликов («Кто я такой» («Казачий дух / Не грим актерский...»), «Донщина», «Цвет лазоревый» и др.), Владимир Цыбин («Родительница степь»), Иван Варавва («Кубань», «Отзовитесь, друзья!»), Витислав Ходарев («Отчина») и др.

Заметными становятся и попытки осмыслить казачью литературу, фольклор как яркую страницу в истории русской литературы во всем их многообразии и глубине (одной из плодотворных попыток, на наш взгляд, является работа В. А. Латынина «Возвращение из небытия» [Латынин, 2015]).

Возрождение интереса к казачеству как культурному и историческому феномену и казачьей литературе, ее героям и поэтике – одно из заметных явлений нашего времени.

**Библиографический список**

1. Бахвалова В. А. Традиционная культура донского казачества: по материалам фольклора. Волгоград, 2009.
2. Булгарин Ф. В. Мазепа // Булгарин Ф.В. Сочинения. Москва : Современник, 1990. С. 367–634.
3. Васильев П. Н. Раненая песня. Москва : АСТ, 2019.
4. Гаджиева Л. И. Мир казачества в изображении Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, М. А. Шолохова. Москва, 2007.
5. Герцен А. И. Избранное. Москва : Наука, 1974. 696 с.
6. Гордеев А. А. Золотая Орда и зарождение казачества. Москва : Страстной бульвар, 1992. 175 с.
7. Даль В. И. Уральский казак // Даль В. И. Избранные произведения. Москва : Правда, 1983.
8. Денисов В. Д. Тарас Бульба: герой-козак и его время (завершение цикла статей в № 1 – 3) // Культура и текст. 2017. № 4 (31) // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/taras-bulba-geroy-kozak-i-ego-vremya-zavershenie-tsikla-statey-v-1-3>. (Дата обращения: 20.06.2020).
9. Ерохин И. Ю. Представления российских исследователей об этническом облике и корнях казачества: краткий историко-этнографический дискурс // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 12. С. 45–49.
10. Кошелев В. А. Четыре «Мазепы» пушкинской эпохи // Вестник Днепропетровского университета имени Альфреда Нобеля. Серия «Филологические науки». 2016. № 2 (12). С. 150–156.
11. Лаптева Е. В. К вопросу об истории российского казачества / Е. В. Лаптева, Л. П. Рожкова // Вестник финансового университета. Гуманитарные науки. 2012. № 4. С. 60–67.
12. Латынин В. А. Возвращение из небытия. Москва : Издательство: Региональное отделение продюсерского центра при Интернациональном Союзе писателей, 2015. 110 с.
13. Лермонтов М. Ю. Полное собрание стихотворений в 2 томах. Т. 2. Стихотворения и поэмы. 1837–1841. Ленинград : Советский писатель. Ленинградское отделение, 1989.
14. Маруся Богуславка. URL: <https://osvita.ua/school/literature/63974/>. (Дата обращения: 20.06.2020).
15. Маскаева С. Н. Своеобразие изображения характера Алёны Арзамасской в произведениях мордовских писателей: трансформация образа / С. Н. Маскаева, В. М. Макушкин // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2012. № 3.

16. Опря О. В. Отражение жизни уральского казачества в произведениях В. И. Даля // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. № 2 – 2.
17. Песня про Байду. URL: <https://www.ukrlib.com.ua/narod/printout.php?bookid=5&id=3>. (Дата обращения: 20.06.2020).
18. Пономарев Я. А. Фольклор донских казаков в контексте культурных традиций в России. Москва, 2011.
19. Пушкин А. С. Полтава // Полное собрание сочинений: в XVI т. Москва : АН СССР, 1937–1949. Т. V. С. 15–68.
20. Рябова Е. Л. Казаки – дипломаты / Е. Л. Рябова, Л. О. Терновая // Казачество. 2015. № 11. С. 15–25.
21. Сергеев В. А. Унтовое войско. Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство, 1976. 662 с.
22. Сопов А. В. Место и роль казачества в общероссийских культурно-этнических процессах / А. В. Сопов, А. Ш. Бузаров // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2011. №1. С. 229–233.
23. Ткаченко П. И. Где спит казацкая слава: станичные рассказы. По страницам кубанской культуры. Как возрождается казачество. Москва : Пресс-Соло, 1995. 297 с.
24. Ярешко П. В. Военные песни казаков Кубани как отражение жизни казачьей общины // Культурная жизнь юга России. 2014. № 1 (52). С. 104–107.
25. Ян Сумэй. Исследования по казачьей истории Российской империи. Пекин : Научное издательство, 2016.

#### Reference list

1. Bahvalova V. A. Tradicionnaja kul'tura donskogo kazachestva = Traditional culture of the Don Cossacks: po materialam fol'klora. Volgograd, 2009.
2. Bulgarin F. V. Mazepa = Mazepa // Bulgarin F.V. Sochinenija. Moskva : Sovremennik, 1990. S. 367–634.
3. Vasil'ev P. N. Ranenaja pesnja = Wounded song. Moskva : AST, 2019.
4. Gadzhieva L. I. Mir kazachestva v izobrazhenii N. V. Gogolja, L. N. Tolstogo, M. A. Sholohova = The world of the Cossacks in the image of N. V. Gogol, L. N. Tolstoy, M. A. Sholokhov. Moskva, 2007.
5. Gercen A. I. Izbrannoe = Selected. Moskva : Nauka, 1974. 696 s.
6. Gordeev A. A. Zolotaja Orda i zarozhdenie kazachestva = Golden Horde and the birth of the Cossacks. Moskva : Strastnoj bul'var, 1992. 175 s.
7. Dal' V. I. Ural'skij kazak = Ural Cossack // Dal' V. I. Izbrannye proizvedenija. Moskva : Pravda, 1983.

8. Denisov V. D. Taras Bul'ba: geroj-kozak i ego vremja = Taras Bulba: hero-kozak and his time (zavershenie cikla statej v № 1 – 3) // Kul'tura i tekst. 2017. № 4 (31) // URL: <https://cyber-leninka.ru/article/n/taras-bulba-geroy-kozak-i-ego-vremja-zavershenie-tsikla-statej-v-1-3>. (Data obrashhenija: 20.06.2020).

9. Erohin I. Ju. Predstavlenija rossijskich issledovatelej ob jetnicheskom oblike i kornjah kazachestva: kratkij istoriko-jetnograficheskij diskurs = Ideas of Russian researchers about the ethnic appearance and roots of the Cossacks: a brief historical and ethnographic discourse // Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki. 2016. № 12. S. 45–49.

10. Koshelev V. A. Chetyre “Mazepy” pushkinskoj jepohi = Four “Mazes” of the Pushkin era // Vestnik Dnepropetrovskogo universiteta imeni Al'freda Nobelja. Serija “Filologicheskie nauki”. 2016. № 2 (12). S. 150–156.

11. Lapteva E. V. K voprosu ob istorii rossijskogo kazachestva = To the question of the history of the Russian Cossacks / E. V. Lapteva, L. P. Rozhkova // Vestnik finansovogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2012. № 4. S. 60–67.

12. Latynin V. A. Vozvrashhenie iz nebytija = Return from oblivion. Moskva : Izdatel'stvo: Regional'noe otdelenie prodjuserskogo centra pri Internacion'al'nom Sojuze pisatelej, 2015. 110 s.

13. Lermontov M. Ju. Polnoe sobranie stihotvorenij v 2 tomah. T. 2. Stihotvorenija i pojemy. 1837–1841 = A complete collection of poems in 2 volumes. V. 2. Poems and poems 1837–1841. Leningrad : Sovetskij pisatel'. Leningradskoe otdelenie, 1989.

14. Marusja Boguslavka = Marusya Boguslavka. URL: <https://osvita.ua/school/literature/63974/>. (Data obrashhenija: 20.06.2020).

15. Maskaeva S. N. Svoeobrazie izobrazhenija haraktera Aljony Arzamasskoj v proizvedenijah mordovskih pisatelej: transformacija obraza = The originality of the image of the character of Alyona Arzamas in the works of Mordovian writers: transformation of the image / S. N. Maskaeva, V. M. Maku-shkin // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishheva. 2012. № 3.

16. Oprja O. V. Otrazhenie zhizni ural'skogo kazachestva v proizvedenijah V. I. Dalja = Reflection of the life of the Ural Cossacks in the works of V. I. Dahl // Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl'. 2016. № 2 – 2.

17. Pesnja pro Bajdu = Song about Baida. URL: <https://www.ukrlib.com.ua/narod/printout.php?bookid=5&id=3>. (Data obrashhenija: 20.06.2020).

18. Ponomarev Ja. A. Fol'klor donskih kazakov v kontekste kul'-turnyh tradicij v Rossii = Folklore of Don Cossacks in the context of cultural traditions in Russia. Moskva, 2011.

19. Pushkin A. S. Poltava = Poltava // Polnoe sobranie sochinenij: v XVI t. Moskva : AN SSSR, 1937–1949. T. V. S. 15–68.

20. Rjabova E. L. Kazaki – diplomaty = Cossacks – diplomats / E. L. Rjabova, L. O. Ternovaja // Kazachestvo. 2015. № 11. S. 15–25.
21. Sergeev V. A. Untovoe vojsko = Unt army. Ulan-Udje : Burjatskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1976. 662 s.
22. Sopov A. V. Mesto i rol' kazachestva v obshherossijskih kul'turno-jetnicheskikh processah = The place and role of the Cossacks in the all-Russian cultural and ethnic processes / A. V. Sopov, A. Sh. Buzarov // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 1: Regionovedenie: filosofija, istorija, sociologija, jurisprudencija, politologija, kul'turologija. 2011. №1. S. 229–233.
23. Tkachenko P. I. Gde spit kazackaja slava: stanichnye rasskazy. Po stranicam kubanskoj kul'tury. Kak vozrozhdaetsja kazachestvo = Where Cossack glory sleeps: village stories. On the pages of Kuban culture. How the Cossacks are being reborn. Moskva : Press-Solo, 1995. 297 s.
24. Jareshko P. V. Voinskie pesni kazakov Kubani kak otrazhenie zhizni kazach'ej obshhiny = Military songs of the Cossacks of Kuban as a reflection of the life of the Cossack community // Kul'turnaja zhizn' juga Rossii. 2014. № 1 (52). S. 104–107.
25. Jan Sumjej. Issledovanija po kazach'ej istorii Rossijskoj imperii = Research on the Cossack history of the Russian Empire. Pekin : Nauchnoe izdatel'stvo, 2016.